

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2

2021

*Епископ Петергофский Силуан (Никитин),
протоиерей Константин Костромин*

Святой Александр Невский в истории России и Финляндии: точки соприкосновения

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_12

Аннотация: Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский является одной из знаковых фигур русской гражданской и церковной истории. В статье раскрываются сюжеты, в которых прослеживается роль князя и его образа в истории русско-финских взаимосвязей. В центре внимания оказываются эпоха Александра Невского, его военные и дипломатические предприятия на северном направлении, историография, роль тезоименитых благоверному князю императоров Александра I, Александра II и Александра III в развитии русско-финляндских отношений. Авторы пришли к выводу, что те страницы русско-финских отношений, которые связаны с именем св. Александра Невского, не отмечены какими-либо негативными красками. Деятельность благоверного князя на территории нынешней Финляндии или в отношении населявших ее народов может быть оценена как благотворная, даже на фоне политики его отца Ярослава Всеволодовича. После блаженной кончины св. Александра образ благоверного князя продолжал был значимым в истории русско-финских отношений.

Ключевые слова: Александр Невский, история Русской Православной Церкви, Финляндия, летописание, русско-шведские отношения, император Александр I, император Александр II, император Александр III, историография, храмостроительство.

Об авторах:

Епископ Петергофский Силуан (Никитин Сергей Сергеевич)

Кандидат богословия, доцент, ректор Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: f.siluan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1445-4703>

Протоиерей Константин Александрович Костромин

Кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научно-богословской работе, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

Ссылка на статью: Силуан (Никитин), еп., Костромин К., прот. Святой Александр Невский в истории России и Финляндии: точки соприкосновения // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 12–22.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2021

*Bishop Siluan (Nikitin) of Peterhof,
Archpriest Konstantin Kostromin*

Saint Alexander Nevsky in the History of Russia and Finland: Points of Contact

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_12

Abstract: The holy right-believing Great Prince Alexander Yaroslavich Nevsky is one of the iconic figures of Russian civil and church history. The article reveals plots that trace the role of the prince and his image in the history of Russian-Finnish relations. The focus is on the era of Alexander Nevsky, his military and diplomatic enterprises in the northern direction, historiography, and the role of the emperors Alexander I, Alexander II, and Alexander III, who bore the prince's name, in the development of Russian-Finnish relations. The authors come to the conclusion that those pages of Russian-Finnish relations that are associated with the name of St. Alexander Nevsky are not marred by any negative aspects. The activities of the right-believing prince on the territory of present-day Finland or in relation to the peoples inhabiting it can be assessed as beneficial, even against the background of the policy of his father Yaroslav Vsevolodovich. After the blessed death of St. Alexander's, the image of the right-believing prince continued to be significant in the history of Russian-Finnish relations.

Keywords: Alexander Nevsky, history of the Russian Orthodox Church, Finland, Russian chronicle, Russian-Swedish relations, Emperor Alexander I, Emperor Alexander II, Emperor Alexander III, historiography, temple building.

About the authors:

Bishop Siluan of Peterhof (Nikitin Sergei Sergeevich)

PhD in Theology, Associate Professor, Rector of the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: f.siluan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1445-4703>

Archpriest Konstantin Alexandrovich Kostromin

PhD in history, PhD in Theology, Associate Professor, Vice-Rector for Research of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

Article link: Siluan (Nikitin), bishop, Kostromin K., archpriest. Saint Alexander Nevsky in the history of Russia and Finland: Points of Contact. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 2, pp. 12–22.

Св. благоверный великий князь Александр Ярославич Невский является одной из знаковых фигур русской гражданской и церковной истории. Масштаб его личности был, очевидно, понятен современникам, иначе ему не уделили бы столько внимания древнерусские летописцы и агиографы. Однако в полной мере оценить его место в истории смогли позднее, когда проявились стратегические последствия его правления в северо-западной и северо-восточной Руси — в Великом Новгороде, Переславле-Залесском, Владимире Великом. Именно поэтому спустя столетия, в эпоху царя Ивана Грозного, он был прославлен в лике святых, еще позднее был взят Петром Великим в качестве одного из покровителей нового заложенного города, будущей столицы Российской империи, а в наши дни — получил статус человека, с именем которого ассоциируется Россия [Имя России]. Значима его фигура и для истории Финляндии.

Александр, второй сын великого князя Ярослава Всеволодовича, родился в Переславле-Залесском в 1220 или 1221 г. (историки спорят о годе его рождения, хотя более традиционной для историографии является вторая дата). В 1231 г., будучи 10 лет от роду, он впервые оказался правящим князем — отец отправил Александра вместе с его старшим братом Федором княжить в Великий Новгород, даннические территории которого распространялись на значительную часть территории нынешней Финляндии, и хотя правление было номинальным и недолгим, он получил ценнейший жизненный опыт. Через два года ему пришлось испытать горечь утраты, когда перед свадьбой неожиданно умер его старший брат, и Александр стал главным наследником отца. В 1236 г., накануне вторжения монгольского хана Батыея в северные пределы Руси, он стал снова, теперь уже не номинально, князем в Новгороде. Спустя три года в Торопце он сыграл свадьбу с дочерью полоцкого князя Брячислава, имя которой доподлинно неизвестно [Сиренов, 2014].

Отец благоверного князя Ярослав Всеволодович интересен и русским, и финнам тем, что, согласно сообщению Лаврентьевской летописи, зимой 1226–1227 г. «ходи из Новагорода за море на емь, где же ни един от князь русских не взможе бывати, и всю землю их плени и возвратися Новугороду слава и хваля Бога ведьи множество полона» (ПСРЛ. Т. 1, стб. 449; ПСРЛ. Т. 3, 65). Результатом этого похода стало крещение одного из племен Финляндии — корелы (карелов, карьялы): «князь Ярослав Всеволодич послав крестити множество корел, мало не все люди» (ПСРЛ. Т. 1, стб. 449). Военный союз карелов и новгородцев был давним, известны совместные походы 1143, 1149, 1178(?), 1191, 1198 гг. [Кочуркина, 1986, 107, 108, 112], но о православной миссии среди карелов нет практически никаких сведений. Едва ли миссия происходила неспешно и системно — скорее, она осуществлялась через военно-торговые отношения, хотя в науке высказывалось мнение о крещении карел благодаря их личной «присяге» князю Ярославу [Хрусталеv, 2009, 157–159].

Славу талантливого полководца его сыну Александру Ярославичу принесли военные действия против Швеции, которая еще в XII в. пыталась укрепить свое влияние на сопредельных территориях сегодняшней Финляндии и Ленинградской области. Так, в 1142 г. шведы напали в Балтийском море на новгородские купеческие корабли (ПСРЛ. Т. 3, 26). В 1164 г. шведский флот достиг Ладоги, где был разбит в битве на реке Воронежке новгородскими войсками под руководством князя Святослава Ростиславича и посадника Захария (ПСРЛ. Т. 3, 31). Были и ответные походы. Возникла легенда, что в результате одного из совместных походов новгородцев и карелы 1187 г. на шведский город Сигтуну они переправили в Новгород врата, которые были установлены в Софийском соборе и получили название Сигтунских, или Магдебургских. В шведских источниках нападавшие часто называются «язычниками», поскольку среди них видели эстов, а в древнерусских источниках поход не описан [Шаскольский, 1978, 72–105].

После затишья в русско-шведских отношениях в первые два десятилетия XIII в. с 1220 г. борьба Руси и Швеции за Финляндию возобновилась. В 1237 г. Римский папа Григорий IX написал архиепископу Упсальскому Ярлеру послание:

«На вероломных Тавастцев (финское название — хяме. — *en. С., прот. К. К.*), которые, при помощи соседних врагов христианской веры, отпали и теперь, соединясь с другими варварами, совершенно разорили новое насаждение, также жестоко поступили с правоверными и священниками, надлежит идти войною» [Чистович, 1856, 23]. Участникам похода обещались «отпущение грехов и такие же выгоды, как будто шли они в Обетованную Землю» [Чистович, 1856, 23]. Под «соседними врагами христианской веры» и «другими варварами» понимались и карелы, и языческие финно-угорские племена, и русские. Два года длилась подготовка к походу, к шведам присоединились норвежцы, и в 1240 г. произошла кульминация войны — Невская битва, принесшая славу молодому новгородскому князю. В числе руководителей похода был епископ Финляндский Томас, который, впрочем, в битве уцелел и благополучно вернулся в свой епархиальный город Або (ныне Турку).

Так впервые слава пришла к молодому новгородскому князю летом 1240 г., когда он смог повторить успех похода 1142 г., когда был наголову разбит шведский корабельный десант на берегу Финского залива [Кривошеев, Соколов, 2018а, 97]. Сама Невская битва была событием, несомненно, крупным в истории Великого Новгорода и Руси в целом, однако определяющим она стала именно в жизни св. князя. Как отмечают специалисты, битва «не отличалась истребительной кровожадностью» [Бегунов, Кирпичников, 1995, 7], что особым образом характеризует Александра Ярославича как человека и христианина.

Более жестко поступил князь Александр в 1241 г., когда ему довелось отбивать у меченосцев крепость Копорье. Слава выдающегося полководца закрепилась за князем после Ледового побоища 1242 г., имевшего широкий резонанс в литературе современников, как русских, так и иностранных [Карпов, 2010, 104–116]. В результате этого похода русские смогли отбить у немцев только что захваченный ими Псков.

Битва на Чудском озере не остановила католической агрессии. Политическую ситуацию, инициативу Дитриха фон Кивеля, в русских источниках известного под именем Дитман, согласие с ней Римского папы Александра IV, согласие шведов возобновить войну прекрасно восстановил в качестве единого сюжета И. П. Шаскольский. Возможно, масштабы этого «сговора» были и меньше, однако сама по себе идея немецких рыцарей Ливонии, шведского короля и Римского папы, с которым согласовывались данные действия, не вызывают сомнений, как и мотив — якобы желание води, ижоры и карел принять крещение по латинскому обряду. Карелы, выступавшие традиционными союзниками новгородцев и крещенные Ярославом Всеволодовичем, были объектом агрессии шведов, которых интересовали данные земли. Поход был организован в 1256 г., сразу после конфликта новгородцев со св. Александром Невским. В ответ святой князь совершил с новгородцами зимний поход по льду Финского залива в землю емь для возвращения под власть Новгорода южной Финляндии, незадолго до того присоединенной шведами [Шаскольский, 1978, 207–217].

Попытка шведов захватить не только центральную Финляндию, но и Неву и Ладогу имела целью, кроме элементарного захвата территорий, прервать начавшиеся русско-норвежские торговые и дипломатические контакты. Еще около 1200 г. в «Гулатингской правде» зафиксировались, как считал И. П. Шаскольский, данные о плаваниях новгородцев до Люнген-фьорда, а в 1216-м русские источники отмечают наличие новгородских данников на Кольском полуострове [Шаскольский, 1945, 40]. В 1251 г. св. князь Александр установил с норвежским королем дипломатические отношения¹. Согласно сообщению Саги о Хаконе Хаконарсоне, «послы

¹ Рассуждения Т. Н. Джаксон о датировке посольства 1257 г. запутанны. В комментарии о Кристин она замечает, что переговоры о ее испанском замужестве шли с 1256 г. и, следовательно, новгородские предложения к этому времени должны были быть уже неактуальными. Сообщение же Стурлы Тордарсона о якобы бывших в год переговоров татарском нападении и нестроениях в Новгороде могли иметь не конкретное, а общее содержание (Джаксон, 2012, 536, 538–539, 541). Кроме того, Т. Н. Джаксон не сопоставила между собой новгородско-норвежские переговоры и новгородско-шведскую войну 1256 г.

конунга Александра из Хольмгарда (Новгорода. — *en. С., прот. К.К.*)... жаловались на то, что нападали друг на друга управляющие конунга Хакона на севере в Марке и восточные кирьялы (карелы. — *en. С., прот. К.К.*), те что были обязаны данью конунгу Хольмгардов» (Джаксон, 2012, 531–532). Вопрос был решен положительно, и послы благоверного князя, как им было поручено, посватались от имени сына св. Александра к Кристин, дочери короля Хакона. Ответное посольство норвежцев в Новгород было успешным: «прибыли они летом в Хольмгард, и принял их конунг хорошо, и установили они тогда мир между собой и своими данническими землями так, что не должны были воевать друг с другом ни кирьялы, ни финны» (Джаксон, 2012, 532). Важно подчеркнуть, что война шведов против Новгорода 1256 года преследовала цель сделать такие контакты невозможными, поскольку посольства из Новгорода в Норвегию и обратно двигались по суше, т. е. через территорию Финляндии (Джаксон, 2012, 537, прим. 6).

Где конкретно должны были происходить конфликты, потушить которые должно было посольство св. Александра, определено сказать нельзя. Т. Н. Джаксон, комментируя термин «восточные кирьялы», указывает, что он уникален для средневековых текстов, и предлагает видеть в них приладожских карел. Набеги ладожан на Марку, т. е. на северо-восточную Норвегию, должны были быть весьма масштабными, если верить сообщениям о нападениях на таком огромном расстоянии. Попытки И. П. Шаскольского видеть текст договора св. Александра с Хаконем в т. н. «Разграничительной грамоте», датируемой условно 1326 г. и рассматривавшей территорию от Люнген-фьурда до Вялозера как общую для сбора дани территорию Новгорода и Норвегии, опровергнуты Дж. Линдом [Линд, 1997]. Как бы то ни было, события 1251–1256 гг. рисуют перед исследователями образ св. Александра не только как воина и полководца, но и как миролюбивого и дальновидного дипломата, в центре внимания которого находилась территория современной Финляндии.

Отдельным направлением политики св. князя были отношения с монголами. Противостоять монголам и сбросить иго князь Александр был не в силах — монголы установили контроль над русскими землями еще при жизни предыдущего поколения князей: Юрия и Ярослава Всеволодовичей, дяди и отца князя Александра. Для решения вопросов, связанных с распределением княжений, и для «отмаливания» русских городов от карательных набегов монголов князь четыре раза побывал в Орде и дважды доезжал до столицы Великой Орды — Каракорума. Прожив всего 44 года, князь Александр, получивший при жизни два великих княжения — Киевское и Владимирское, скончался по возвращении из Орды в Городце на Волге, приняв перед смертью монашеский постриг.

Конечно же, такая насыщенная жизнь и такие важные труды на благо родины не могли не привлечь внимания исследователей. Память о святом князе, закрепленная в Первой Новгородской и Лаврентьевской летописях, впоследствии развивалась практически во всех летописях XIV–XVI вв., а также в житийной литературе. При появлении научного дискурса исторической памяти в начале XVIII в. образ св. князя Александра не мог не привлечь внимания историков [Кривошеев, Соколов, 2018б, 21–51], а равно и государственных и церковных деятелей. Достаточно вспомнить перенесение мощей св. Александра Невского из города Владимира в новую столицу — Санкт-Петербурх (Санкт-Петербург), учреждение Ордена св. Александра Невского, появление художественных полотен и храмов, посвященных святому князю [Шенк, 2007, 130–174]. Хотя полномасштабное изучение жизни и деятельности Александра Невского началось после 1917 г., мимо его образа не прошли ни Н. М. Карамзин, ни Н. И. Костомаров, ни С. М. Соловьев. Среди историков Санкт-Петербургской духовной академии особое внимание к фигуре св. князя проявили только еп. Макарий (Булгаков), в период своего ректорства написавший три тома «Истории Русской Церкви» [Иннокентий Павлов, 1986, 223], и М. О. Коялович, профессор кафедры гражданской истории, для которого фигура князя Александра — это образец стремления к свободе, «гармония доблести и смирения» [Коялович, 1884, 485, 518, 549]. Ни прот.

Н. Николаевский, ни А. В. Карташев, ни Н. К. Никольский, ни, тем более, Б. В. Титлинов (научные интересы которого были далеки от эпохи Древней Руси) [Карпук, 2015а, 175–218; Карпук, 2015б, 280–288] за годы профессуры на кафедре церковной истории не успели проявить интереса к личности св. князя. Только впоследствии, уже после 1917 г., А. В. Карташев и Н. К. Никольский в своих публикациях будут касаться вопросов, связанных с ролью св. Александра Невского в истории Русской Церкви и древнерусской книжности, но специально заниматься изучением его жизни не будут. Изучением древнерусского жития св. Александра Невского стали финский филолог Вильо Йоханнес Мансикка [Мансикка, 1913] и выпускник Московской духовной академии Н. И. Серебрянский, защитивший докторскую диссертацию, посвященную древнерусским княжеским житиям [Сухова, 2013, 195; Серебрянский, 1915]. Основные исследования, касающиеся деятельности князя, обстоятельств его жизни, исторического фона и конкретных обстоятельств, относятся к послевоенному периоду. Здесь нельзя обойти стороной работы М. Н. Тихомирова, И. П. Шаскольского, В. Т. Пашуто, Е. Л. Назаровой и наших современников — Ю. К. Бегунова, В. А. Кучкина, Ю. В. Кривошеева, Р. А. Соколова, А. Ю. Карпова, Дж. Феннела, Дж. Линда, Ф. Б. Шенка. В современной историографии не можем не выделить номер научного журнала Санкт-Петербургской духовной академии «Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях», полностью посвященный св. благоверному князю Александру Невскому [Палеоросия, 2020].

Если в дореволюционной историографии акцент делался на попытке восстановить общую хронологию его жизни и вписать ее в общеисторический контекст, то в советской послевоенной историографии появляется тенденция исследовать макроисторические процессы и увидеть место св. Александра в них. Здесь оказались востребованы дореволюционные темы о контактах князя с Римским папой Иннокентием IV и крестоносцами, шведами и монголами. По мере накопления исторического знания стали очевидными общие тенденции, которые помогли понять мотивацию и последствия тех или иных поступков св. Александра. Так, частями общей картины стали шведские экспедиции к берегам Рижского и Финского заливов, реки Невы второй половины XII — XIII вв., папские буллы этого же периода, переброска из Леванта в Прибалтику тевтонского ордена, преобразованного в орден меченосцев, социальные процессы в странах Скандинавии — прежде всего Швеции, но отчасти и Норвегии. Складываясь в единую картину, они дают возможность говорить о крестоносной агрессии в Восточной Европе, в которой по инициативе пап принимали участие немцы и шведы. Поскольку св. Александр, как выясняется, противостоял не разрозненным мелким случайным противникам, а хорошо спланированной масштабной экспансии целого альянса государств и общественных объединений (например, рыцарских орденов), объединенных детально разработанной агрессивной идеологией, значение его как правителя и воина заметно повышается.

Историки связывают между собой зимний поход св. Александра в финскую землю 1256 г. с Невской битвой 1240 г. и считают его продолжением борьбы благоверного князя как за независимость русских земель, так и за интересы Руси на Балтике. Шведы и ливонские крестоносцы смогли скоординировать усилия, чтобы устроить совместный реванш за поражения 1240 и 1242 гг. Однако князь Александр, к этому времени уже едва ли не самый опытный правитель среди русских князей, смог определить противника и нанести упреждающий удар. В какой-то степени, особенно если иметь в виду далекие перспективы, реализовавшиеся в XIX–XX вв., с окончательным формированием и объединением финской народности и вызреванием финской государственности, князь Александр тогда, в XIII в., предвосхищал будущие связи финнов и русских, защищал финнов от навязывания им шведской политики, использования финнов в антирусской экспансии. Если бы попытки шведов закрепиться на берегах Финского залива и реки Невы оказались бы удачными, то едва ли финское национальное самосознание могло бы вырваться столь успешно к XVIII в., будучи полностью зависимо от шведского влияния.

Долгое время финский этнос, не обладавший единством, оказывался на переднем крае борьбы Швеции и России. Войны, существенно передвигавшие государственные границы, продолжались с середины XVI по начало XVIII в. В ходе Северной войны часть территорий, населенных финнами — Ингерманландия, Карелия и Карельский перешеек, вошла в состав России, и именно на этой территории была построена новая столица Российского государства, получившего статус империи. Одним из покровителей Северной столицы России стал св. князь Александр Невский, вернувшийся на берега Невы благодаря организованному Петром Великим перенесению его мощей в специально созданный Александро-Невский монастырь.

В начале XIX в. судьба Финляндии на ближайшее столетие была определена в результате русско-шведской войны и Фридрихсгамского мирного договора 1809 г. Согласно договору, если не считать тех его положений, которые касались непосредственно Швеции и геополитических обстоятельств, Финляндия входила в состав России на правах великого княжества, т. е. автономии. Вот как в Манифесте о заключении мира между Россией и Швецией связывались с результатами той войны давние события эпохи св. Александра Невского: «В течение семи столетий непрерывные почти войны потрясали спокойствие народов, предустановленных природою хранить доброе и мирное соседство. От самых отдаленнейших времен до дней наших, от славных побед благочестивого предка нашего, святого и великого князя Александра Невского до настоящего мира редко проходило двадцать сряду лет, и никогда почти не протекало полвека, чтоб война между ими не возникла. Колькратно мир, кровию народов запечатленный, вскоре после того был по стечению обстоятельств снова расторгаем! Колькратно Финляндия, всегдашний предмет и позорище сей войны, страдала, истребляема огнем и мечем!» (ПСЗРИ. 1186. № 23883). Финский народ, по результатам войны вошедший «в число верных наших подданных», «отныне станет на чреде народов, под сению престола нашего покоющихся в тишине и безопасности» (ПСЗРИ. 1187. № 23883), писал в Манифесте тезоименный св. Александру Невскому император Александр I Павлович. Трактат о мире между Швецией и Россией был составлен с максимальной выгодой для Финляндии, не прерывавшей ни родственных, ни торговых контактов со Швецией. Подчеркивание преимущества политики св. Александра в начале XIX в. демонстрирует в том числе осмысление наследия благоверного князя как благотворного для России и тех народов, которые она берет под свое покровительство.

16 марта 1809 г. Александр I присутствовал на открытии финляндского ландтага (сейма), на котором согласился с сохранением в Финляндии религиозных особенностей и правовых традиций, унаследованных от шведской эпохи, в частности, с наличием в Великом княжестве Финляндском Общего уложения (конституции) 1734 г. и права ландтага принимать новые и изменять и отменять старые законы Финляндии. Гражданскими и хозяйственными делами ведал сенат княжества, возглавлявшийся генерал-губернатором, который также осуществлял контроль за деятельностью всех государственных учреждений. «Он был единственным связующим звеном между Россией и Финляндией (по крайней мере, до создания в 1834 г. ведомства министра статс-секретаря Великого княжества)» [Дамешек, 2003, 170]. Крепостное право в Финляндии отсутствовало, были декларированы права и свободы личности, дворянство и духовенство были, как и в России, освобождены от подушной подати [Дамешек, 2003, 168–171]. «Фактически Финляндия в составе России обладала областной автономией, причем настолько широкой, что она граничила с автономией по модели реальной унии, хотя юридически такое положение и не было закреплено. Российский император пользовался здесь правами конституционного, а не абсолютного монарха» [Дамешек, 2003, 171], как в остальной России. В Финляндии действовала своя система административного устройства, государственными языками были впервые приобретший такой статус финский и шведский (без русского), жители Финляндии считались подданными Великого княжества, а их права дополнялись правами подданных Российской империи. Финляндия имела собственную, не привязанную к рублю валюту (до 1840 г.), почтовые марки и железнодорожную систему; налоги

и прочие доходы княжества шли только в финскую казну [Дамешек, 2003, 171]. Такое положение во многом способствовало появлению образа Финляндии как идеального государства, описанного Г. С. Петровым [Костромин, 2016, 128–136]. Политика русификации в Финляндии до начала XX в. не проводилась, хотя православие постепенно распространялось, выходя за пределы гарнизонных церквей и медленно, но верно завоевывая интерес со стороны природных финнов. Конечно, для детального сравнения положения финнов под русским подданством в начале XIX в. и положения карел под властью Новгорода в эпоху Александра Невского слишком мало сведений, однако общая картина, описанная выше, кажется, дает основание для утверждения о наличии некоторого сходства — русские покровительствовали финнам и ненавязчиво распространяли среди них культурное влияние.

Перечисленные выше свободы и привилегии были дарованы финнам русскими государями, носившими имя Александра Невского — Александром I и Александром II. Так, Александр II на торжественном собрании сейма в 1863 г. (после 30 лет правления Николая I, при котором финляндский сейм не собирался ни разу, действовали достаточно жесткая цензура в отношении печатных изданий и контроль над студенческой жизнью в университете Або [Колесников, 2009, 65–66]) гарантировал не только сохранение старых, но и дарование новых привилегий: «Оставляя неприкосновенным принцип конституционной монархии, вошедшей в нравы финляндского народа и запечатлевшей все его законы и учреждения, я желаю еще расширить принадлежащие сейму права относительно определения размера налогов и предложения проектов законов, оставляя, однако ж, за собой инициативу во всех тех вопросах, которые могут касаться изменений в самом основном статуте страны» (речь императора дана в передаче генерала Д. А. Милютина (Воспоминания, 274)). Несмотря на то, что русификаторская политика на национальных окраинах началась именно при Александре II, она не коснулась Финляндии [Андреева, 2015, 60]. Только с 1891 г., с конца правления Александра III, русификация впервые была применена в отношении Финляндии, когда официальная переписка между Финляндией и Петербургом стала вестись только на русском языке. Начатый процесс окончательной интеграции Финляндии в состав Российской империи развивался уже при Николае II. Русская колонизация (признанной особенностью которой являлся внутренний ее характер) не коснулась Великого княжества Финляндского. Сохранение прав и свобод, предоставленная русскими государями возможность самоорганизации финнов без участия России привели к тому, что на момент выхода из состава России Финляндия относительно легко перешла из зависимого состояния в независимое [Бахлов, 2009, 38].

За столь благоприятной для финского народа и культуры политикой России стоят императоры Александры, что заставляет вспомнить о святом благоверном князе. Однако в России имя этого деятеля прошлого сопровождало совершенно иные общественные процессы. Ф. Б. Шенк отметил не только рост интереса к князю в исторической науке первой половины XIX в., художественной литературе и общественной мысли, он обнаружил своеобразную «национализацию» князя, «героизацию» его вплоть до лишения атрибутов святости — по Н. М. Карамзину, не мощи, а «останки» князя перенес в Петербург Петр Великий, и не Церковь, а «добрые россияне» признали его защитником «России» и святым. Те же тенденции Шенк видит и в работах В. Кюхельбекера и Н. И. Костомарова, в живописи и даже в иконографии. Роль образа св. Александра Невского в русификации окраин империи с инородческим населением, по мнению немецкого историка, была весьма значительной [Шенк, 2007, 177–206]. Насколько эти выводы справедливы в отношении Финляндии?

Именно с начала XIX в. храмы в честь св. Александра Невского стали появляться во всех частях империи, а не только в Петербурге. В одной только столице было открыто 52 храма или придела в честь святого благоверного князя (за весь XVIII в. — 6, а в допетровское время храмов в честь св. Александра Невского не известно), в Москве за тот же период — 28 [Федотов, 2004, 238, 242, 243]. На территории Финляндии храм в честь св. Александра Невского был построен в 1854 г. в крепости Свеаборг

Гельсингфорса (Хельсинки) Константином Тоном в традиционном для него русском стиле [Suomenlinnan kirkko], а в гарнизоне г. Тавастгус (Хямеэнлинна) временный храм постройки 1872 г. был в 1898–1900 гг. заменен каменным [Wallenius]. Отчасти наблюдения Ф. Шенка верны — храмы св. Александра Невского в Финляндии обозначали русское присутствие, как выполняли они такую же роль в Риге, Ревеле, Варшаве, Батуми, Ашхабаде, Тифлисе, Фергане, а также за границей — в Потсдаме, Париже, Копенгагене. В Софии Александро-Невский собор был построен архитектором А. П. Померанцевым для Болгарской Церкви (правда, почти сразу он был переименован в Кирилло-Мефодиевский). Храм Александра Невского был построен и в Белграде [Федотов, 2004, 242–243, 249–251]. Однако сколь-либо русификационного влияния храм в Хельсинки не призван был оказывать и не оказывал, став, скорее, символом дружбы русского и финского народов.

Подводя итог, следует заметить, что те страницы русско-финских отношений, которые находятся под сенью св. Александра Невского, не отмечены какими-либо негативными красками. Деятельность самого благоверного князя на территории нынешней Финляндии или в отношении населявших ее народов может быть оценена как благотворная даже на фоне политики его отца Ярослава Всеволодовича, крещение которым карел было сопряжено с насилием, хотя преследовало благую цель. Защита русских интересов на территории нынешней Финляндии была в эпоху св. Александра выгодна прежде всего населявшим ее народам. Особенно важным было сочетание в деятельности князя стратегического мышления, дипломатического таланта и выдающегося полководческого гения, над которыми возвышалось стремление св. князя к христианскому благочестию. Однако и после его блаженной кончины образ благоверного князя продолжал быть значимым в истории русско-финских отношений. Особенно благотворную роль в них и в истории самой Финляндии сыграли российские императоры, крещенные во имя св. Александра Невского, — Александр I, Александр II и Александр III. В их деятельности можно видеть большую заботу в отношении Финляндии, чем в деятельности других российских монархов. Можно констатировать, что русский и финский народы традиционно находятся друг с другом в добрых отношениях и покровителем этих отношений в значительной степени выступает св. благоверный великий князь Александр Невский.

Источники и литература

Источники

1. ПСРЛ. Т. 1 — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 2: Лаврентьевская летопись. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2011.
2. ПСРЛ. Т. 3 — Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000.
3. Джаксон (2012) — *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: тексты, перевод, комментарий. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 522.
4. ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 30. СПб., 1830.
5. Воспоминания — Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863–1864 / Предисл. Л. Г. Захаровой. Подг. текста, коммент., указ. Т. А. Медовичевой, Л. И. Тютюник. М.: РОССПЭН, 2003.

Литература

6. Андреева (2015) — *Андреева Т. В.* Николай I и финляндский вопрос. 1830–1831 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 52–78.

7. Бахлов (2009) — *Бахлов И. В.* Прибалтика и Финляндия в территориальной системе Российской империи: специфика статуса и этнополитической ситуации // Финно-угорский мир. 2009. № 1. С. 36–42.
8. Бегунов, Кирпичников (1995) — *Бегунов Ю. К., Кирпичников А. Н.* От редакторов // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995.
9. Дамешек (2003) — *Дамешек И.* Управление окраинами в Российской империи (Закавказье и Финляндия в первой половине XIX века) // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 156–175.
10. Имя России — Имя России. Исторический выбор. URL://nameofrussia.ru (дата обращения: 22.01.2021).
11. Иннокентий Павлов (1986) — *Иннокентий (Павлов), иером.* Санкт-Петербургская Духовная Академия как церковно-историческая школа // Богословские труды. Сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной Академии. М., 1986. С. 211–268.
12. Карпов (2010) — *Карпов А. Ю.* Великий князь Александр Невский. М.: Молодая гвардия, 2010.
13. Карпук (2015а) — *Карпук Д. А.* Кафедра русской церковной истории в Санкт-Петербургской Духовной Академии на рубеже XIX–XX вв. // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 175–218.
14. Карпук (2015б) — *Карпук Д. А.* Церковно-историческая школа Санкт-Петербургской Духовной Академии (вторая половина XIX — начало XX веков) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. № 2 (4). С. 280–293.
15. Колесников (2009) — *Колесников Д. Е.* Финское национальное пробуждение как политический феномен (в период правления Николая I) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 5. С. 64–68.
16. Костромин (2016) — *Костромин К. А.* Слово — оружие литератора: священник Григорий Петров // Коломенские чтения. 2015: Сб. ст. / Под ред. Е. И. Жерихиной. СПб.: Лики России, 2016. С. 105–136.
17. Кочкуркина (1986) — *Кочкуркина С. И.* Корела и Русь. Л.: Наука, 1986.
18. Коялович (1884) — *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.
19. Кривошеев, Соколов (2018а) — *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018.
20. Кривошеев, Соколов (2018б) — *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: исследования и исследователи. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018.
21. Линд (1997) — *Линд Дж.* «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). URL: <https://norse.ulver.com/articles/lind/delimit.html> (дата обращения: 10.02.2021).
22. Мансикка (1913) — *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. Б./м., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. Т. 180).
23. Палеоросия (2020) — Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2020. Вып. 1 (12).
24. Серебрянский (1915) — *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития: обзор редакций и тексты. М., 1915.
25. Сиринов (2014) — *Сиринов А. В.* Источники XVI в. о браках Александра Невского // Александр Невский и Ледовое побоище: Материалы научной конференции, посвященной 770-летию Ледового побоища. Санкт-Петербург, 7 апреля 2012 г. / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов. СПб., 2014. С. 44–52.
26. Сухова (2013) — *Сухова Н. Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М.: ПСТГУ, 2013.
27. Федотов (2004) — *Федотов А. С.* Храмы во имя святого благоверного великого князя Александра Невского в XIX–XX вв. // *Клепинин Н. А.* Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб.: Алетейя, 2004. С. 233–251.
28. Хрусталева (2009) — *Хрусталева Д. Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб.: Евразия, 2009. Т. 1.

29. Чистович (1856) — *Чистович И. А.* История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856.
30. Шаскольский (1978) — *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л.: Наука, 1978.
31. Шаскольский (1945) — *Шаскольский И. П.* Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 39–61.
32. Шенк (2007) — *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
33. Suomenlinnan kirkko — Suomenlinnan kirkko. URL: <https://www.helsinginseurakunnat.fi/artikkelit/tk6uhamit> (дата обращения: 10.02.2021).
34. Wallenius — Wallenius M. Vihatusta ryssänkirkosta koko kaupungin olohuoneeksi — Nyt halutaan talteen satavuotinen historia. URL: <https://yle.fi/uutiset/3-9002126> (дата обращения: 10.02.2021).